УДК 94 https://doi.org/10.34680/2411-7951.2020.7(32).15

В.Л.Пянкевич

«АРХИТЕКТУРА НАОБОРОТ», ИЛИ ГАМАКИ НАД СМОЛЬНЫМ. МАСКИРОВКА ЛЕНИНГРАДА НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ БЛОКАДЫ

Изучена проблема маскировки Ленинграда накануне и во время блокады. Камуфлирование военных объектов, зданий и сооружений, укрытие памятников, маскировка шпилей, куполов, разрушенных жилых домов не только дезориентировали врага, но значительно влияли на восприятие города блокадниками, их морально-психологическое состояние. Статья основана на официальных документах и личных свидетельствам блокадников.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, блокада Ленинграда, городское пространство, маскировка, восприятие

После начала войны надо было сделать все, чтобы скрыть город от наблюдения, сделав менее заметными здания и сооружения, ввести в заблуждение врага, а значит предотвратить или уменьшить потери и разрушения. Враг не должен был видеть ленинградские заводы, центры управления, корабли, мосты и многое другое. Незаметными должны были стать шпили, купола, памятники. Ленинград должен был исчезнуть для врага.

Самой очевидной, относительно легко исполнимой и знакомой ленинградцам мерой была светомаскировка. Опасаясь больших потерь в дневное время, немцы обычно бомбили блокированный город ночью, чтобы уберечь свои самолеты от огня зениток. С самого начала войны каждый вечер Ленинград должен был погружаться в темноту. Необходимо было скрыть город от глаз немецких летчиков, замаскировать свет, затемнить городские кварталы, без ущерба для нормальной деятельности промышленных предприятий и учреждений [1, с. 60]. Электричество в квартирах еще было, но окна не должны были быть освещены. Исчезло уличное освещение, свет городского транспорта также не должен был нарушать затемнения.

Между тем у ленинградцев уж был опыт жизни в условиях светомаскировки. «Два года назад, во время войны с белофиннами, Ленинград первым из советских городов испытал военное затемнение» [2, с. 177], «был погружен в темноту… и жил в ожидании налетов вражеской авиации» [3, с. 37]. Светомаскировка была знаком приближавшейся к городу войны.

«22 июня 1941 г. по радио было передано сообщение о введении в городе “угрожаемого положения” и объявлено о светомаскировке, к которой мы уже привыкли зимой 1939/1940 г., и нас это не удивило» [4, с. 133]. «Окна все зашторены, на улицах все лампочки синие» [5, с. 94]. «Фонари вечерами не горели, на окнах, несмотря на белые ночи, опускались светомаскировочные шторы, редкие машины ездили с синими фарами» [6, с. 83]. Светомаскировка была введена на всех предприятиях и в учреждениях, на каждом из которых назначались ответственные за нее. Обычно хорошо освещенный вечером и ночью Ленинград, теперь, с началом войны, особенно когда прошла пора белых ночей, был погружен во тьму.

С начала войны с Германией предприятия Ленинграда выпускали пользовавшиеся большим спросом светонепроницаемые обои, светомаскировочные шторы [7, с. 268]. Ленинградцы стремились приобрести их. Однако многим, по разным причинам было трудно это сделать. Поэтому горожане затемняли окна не только шторами, но тем, что было: «одеялами, брезентом, платками, пальто, простынями, специальными бумажными полотнищами, которые клеем свертывались в трубку» [8, с. 167; 9, с. 215]. «На маскировку окон шло всё… жили небогато, и найти лишние вещи было непросто» [10, с. 48].

«По всей квартире отец ввернул другие лампочки, и квартира погрузилась в полумрак, как и весь город. На лестнице управдом ввернул, через этаж, синие лампочки, которые едва тлели, в полнакала, как светлячки в ночи, не освещая ничего» [11, с. 328]. «Вместо обычных лампочек синие. Это какой-то ужас! Не передать, как это угнетает» [12, с. 28]. «Я знаю точно, я абсолютно уверена, что во время блокады не было дня. А была только одна сплошная ночь!!!... Разумеется, я, как человек образованный и разумный, понимаю, что такого быть не может. Но... все окна в квартире были наглухо затянуты и забиты одеялами и тяжелыми, толстыми бархатными портьерами. Портьеры и одеяла были плотно прибиты гвоздями к стенам — с целью светомаскировки и для хоть какой-то защиты от лютого наружного холода» [13, с. 623, 624].

Злостное нарушение правил светомаскировки в местностях, объявленных на военном положении, считалось уголовным преступлением [14, с. 469]. «За небольшую щель, сквозь которую пробивался свет, грозило строгое наказание, вплоть до нескольких лет тюрьмы» [15, с. 71]. За соблюдением правил следили дворники и милиционеры. Дежурные части милиции были завалены информацией бдительных горожан, подозревающих других во вредительском использовании электрического света и подаче каких-то сигналов и т.п. [14, с. 470]. Позднее, когда тяготы осады стали особенно мучительны, соблюдение режима светомаскировки стало менее строгим.

Ленинград должен был стать по возможности невидимым не только ночью, но и днем. Для этого надо было дезориентировать врага, а значит замаскировать все, что могло стать целями немецкой артиллерии и авиации. «Город превращается в военный лагерь. Мчатся автомашины с бойцами и снаряжением, с

боеприпасами, едут цистерны с горючим, походные кухни, по утрам орудия, танки, бронемашины. Все они замаскированы зеленью так, что бойцы в некоторых машинах находятся как в настоящем лесу» [16, с. 58]. «На стрелке Васильевского острова и на пляже Петропавловской крепости …установили зенитные батареи и прожектора, закрыв их маскировочными сетями» [17, с. 757; 18, с. 22].

С начала войны стоявшие в Ленинградце корабли Балтийского флота снабжались тканями, шпагатом, маскировочными фонарями и сетями, камуфлировались специальной краской [19, с. 141, 286, 305]. Многие ленинградцы наблюдали, как «подлодки маскировали сетями, имитирующими берег», «корабль стоявший [на]против здания Сената» камуфлировался «повешенной между трубами декорацией дома с колоннами» [20, с. 695; 18, с. 22; 21, с. 371; 22, с. 228]. Кроме того, корабли и подводные лодки Балтийского флота прикрывали от наблюдения и обстрела с помощью дымомаскировки.

С самого начала войны обсуждались и принимались решения о проведении маскировочных работ на индустриальных объектах: нефтебазах, нефтехранилищах, промышленных предприятиях и коммунальных объектах, вокзалах, депо и т.д. [19, с. 25, 90, 122, 191; 23, с. 248]. Ленинградские архитекторы обеспечили эффективную маскировку мостов, которые имели особое значение для расположенного на многочисленных островах города. Обман удался. Немцы не сумели разрушить ни одного из 600 ленинградских мостов. Недостаточно было замаскировать здания и сооружения. Надо было обеспечивать «техническую маскировку», т.е. постоянно обновлять камуфляж, поддерживая его в соответствующем моменту состоянии, следить за изменением погодных условий, учитывать время года.

Особое оборонное значение имела маскировка высотных зданий — знаменитых шпилей, куполов, колоколен — они быть ориентирами для немецких летчиков и артиллеристов. Для проведения работ на значительной высоте, без устройства лесов привлекались альпинисты, которые окрасили пять куполов Исаакиевского собора, шпиль Петропавловского собора, специальными чехлами из парусины и мешковины укрыли шпили Адмиралтейства, Инженерного замка, купола Крестовоздвиженского и Никольского соборов [7, с. 524, 604]. Маскировка «блистательных» объектов — опорных элементов панорамы города, — еще сильнее изменила его облик, приглушив внешнюю парадность [24, с. 111].

Чрезвычайные усилия были предприняты для того, чтобы сделать малозаметным, неузнаваемым комплекс зданий Смольного, где располагались ключевые органы управления городом и фронтом. «Задача оказалась сложнейшей: не было ни теории, ни инструкции, ни личного опыта. Четкая излучина Невы, характерный силуэт собора — неповторимый архитектурный ансамбль был заметным ориентиром для врага. Кроме того, у немецких летчиков существовали специальные приспособления для расшифровки маскировочных щитов с нарисованными краской тенями, поэтому одновременно с камуфляжем надо было использовать объемную маскировку» [25, с. 297]. «Требовалось огромное количество сетей. Их плели в ряде артелей, даже в Союзе художников. И все-таки сетей не хватало. Мы обнаружили большие запасы гамаков на складах Дома ленинградской торговли. Из них составили громадные полотна крепких сетей, окутавших Смольный. Чтобы менять окраску “листвы”, сети спускали на землю и перекрашивали нашитые аппликации» [26, с. 297]. Искусственные желтые листья, менялись зимой на белую расцветку — под цвет снега. «Благодаря камуфляжу Смольный сливался с окружающим его парком, был совершенно неразличим с воздуха» [18, с. 23]. Маскировка зданий Смольного была настолько качественной, что они становились невидимыми не только с воздуха, но и были мало заметными даже для человека, находившегося рядом. Генерал-лейтенант А.В.Сухомлин вспоминал: «Я вышел из машины, показываю пропуск, спрашиваю: — Я у Смольного? — Да, у Смольного. Я много знал и сам работал в области маскировки, но маскировка Смольного меня изумила» [1, с. 60].

Одновременно с созданием убежищ для людей, город стремился предотвратить уничтожение и повреждение памятников. План первоначальных мероприятий по защите важнейших архитектурно-художественных ценностей города был разработан на второй день войны [7, с. 523]. Памятники, скульптуру маскировали, обкладывали мешками, кулями с песком. Все, что можно было снять, разобрать, увезти, было снято, разобрано, укрыто, закопано. «Скульптуры коней Клодта обмазаны тавотом, зашиты досками и спущены в специально вырытые ниши, а затем засыпаны землей» [27, с. 404, 405]. Мраморные скульптуры Летнего сада засыпали песком и землей, а поверх сеяли семена травы, так что еще до заморозков эти площадки зазеленели, скульптуры на Лазаревском и Тихвинском кладбищах окутывали бумагой, рубероидом или толем [28, с. 290]. Маскировка, укрытие, исчезновение хорошо известных памятников бросалось в глаза. Особенно часто ленинградцы писали о том, как укрывали памятник Петру Великому Э.Фальконе. «Фигура будто выросла и стала еще более монументальной. Казалось, бронзовый гигант мчится по земле среди нас» [28, с. 289].

После окружения Ленинграда, начала артобстрелов и бомбежек работы по маскировке города не только не прекратились, но продолжились с еще большей интенсивностью. «Начали лихорадочно камуфлировать заводы и другие важные объекты. Стены домов окрашивались зелеными пятнами различных оттенков, а на крыши натягивались защитные зеленые сетки» [29, с. 14]. «Нева с громадами военных кораблей вдоль фантастически раскрашенных, в целях маскировки, набережных. Огромный плавучий док у Петропавловки, тоже украшенный живописной маскировкой» [30, с. 110]. Возвращавшиеся накануне и в начале блокады не узнавали Ленинград, который «стал серым и суровым, золотые купола стали зелеными» [31, с. 314], «замаскированным, защищенным, пустынно-настороженным» [7, с. 161].

Со временем опасность бомбежек и особенно артобстрелов не уменьшалась, маскировочные работы в городе продолжались [7, с. 524]. Для их проведения нужны были значительные материальные ресурсы. Ленинградские промышленные предприятия, сбытовые организации, базы, строительные тресты, управления железных дорог изготавливали, предоставляли металлические леса, вязальную проволоку, фанеру, маскировочные металлические сети, листовое железо, железные скобы, гвозди, деревянные подтоварники и жерди, фанеру, кровельное железо, тарную ткань, веревки, канаты, кордную нить, шпагат и т.д. Причем все это необходимо было в огромных количествах — десятках тысяч тонн, метров, кубометров.

Занимались маскировкой многие горожане, которые должны были разрабатывать проекты, производить, доставлять материалы для камуфляжа, плести сети, искажающе окрашивать здания, сооружения, создавать ложные объемы и т. д. Десятки специально созданных бригад маскировали оборонные объекты, превращая их в «жилые дома» и «лесные массивы». Работали дома, на промышленных предприятиях, в театрах и мастерских. С первых дней войны на трудные маскировочные работы были мобилизованы многие художники, освобожденные от оборонных работ и прошедшие проверку НКВД [33, с. 194; 34, с. 216]. Художники Б.Словцова и П.Я.Зальцман попали на коксогазовый завод на набережной Обводного канала, где должны были подготовить «проект, в котором главную роль играли сетки и окраска почвы и крыш с целью раздробить массивы и сделать из заводских построений рабочий городок с озеленением». В результате «сверху завод представлял действительно мало заводское зрелище» [34, с. 216, 223]. Непривычные и неизвестные прежде работы требовали от архитекторов, художников незаурядных усилий. «Узнаю весь процесс “архитектуры наоборот” — искусство маскировки. На “стенах”-щитах разрушенных домов рисуют окна и двери, а крыши красят в зеленый цвет (газоны). Между “домами”» прокладывают “улицы” — “дорожки” посыпают песком настоящим» [35, с. 257]. «Под крышей театра кипит работа: в живописных залах, в которых в мирное время пишут декорации и делают бутафорию, сейчас готовят маскировочные газоны. Сплетенные сети, украшенные мочалой зеленого цвета, представляют собою широкий луг. Ими закроют здания, машины, поезда. …Работают дружно, бодро, с большим желанием внести свою лепту в дело обороны страны. И изящная, хрупкая балерина Уланова, и сильный, широко плечий певец Нэлепп, и старейшие работники театра — все в декорационных залах в свободное от репетиций время» [36, с. 214].

Полностью уберечь город от разрушений было невозможно. Между тем, разрушения угнетали. Практически сразу после бомбовых и артиллерийских ударов в городе начинались работы по преодолению их последствий. «Зияющие проемы заделывали фанерой, лишь кое-где были сделаны небольшие застекленные “глазки”» [37, с. 67]. Прежде всего, это должно было позволить продолжать работу в производственных помещениях, поскольку в них, как и в жилых домах не было отопления.

Если многие промышленные предприятия, военные объекты и мосты маскировкой «разрушали», то дома-памятники напротив, преимущественно «восстанавливали». Варварские обстрелы и бомбардировки Ленинграда должны были устрашить, сломить волю к сопротивлению. Поэтому в городе маскировали разрушения, чтобы они не бросались в глаза, порождая панические настроения. Разрушенные дома скрывали за фасадами, нарисованными на фанерных щитах. «Мы строили доты и дзоты в черте города, маскировали орудия и военные корабли, но основная наша обязанность заключалась в маскировке следов артиллерийских обстрелов и бомбежек. …На места поражений прибывали сразу после бомбежки. Откапывали живых, убирали мертвых, затем обмеряли контуры провалов стен, рисовали на фанере уничтоженный участок фасада. Работали больше ночами, чтобы к утру, пока немцы не зафиксировали попадания, успеть приладить бутафорию к уцелевшей части стены. …Закончив маскировку объекта, делали все возможное для ремонта коммуникаций. Там, где здание было разрушено до основания, среди руин прокладывали дороги» [25, с. 296]. «На Невском многие дома носят следы бомбежек, но разрушения замаскированы» [39, с. 41].

Одних ленинградцев раздражали казавшиеся неуместными и беспомощными заплатки маскировки. «Разрушенные дома зияли черными провалами или были неумело задекорированы рисованными фасадами» [40, с. 61]. «Рядом с Домом книги на Невском огромную брешь закрыли фанерой, а фанеру раскрасили и даже нарисовали исчезнувшие колонны, карнизы и окна. Получилось фальшиво и жутко — как вставная челюсть или накладные букли» [41, с. 348]. Другие горожане считали «мудрым решением городских властей — камуфлировать пострадавшие от бомб и артиллерии дома, чтобы город не производил на жителей ощущения безнадежности» [42, с. 172]. «Заделанные фанерой стены домов, разрушенных бомбежкой… скрывали удручающий вид развалин» [43, с. 26]. «Вот и Невский! Как он пустынен и прекрасен, и дома целы и строги, но приглядевшись, поняла, что на солнечной, четной стороне развалины и пробоины закрыты где фанерой, где сетью, где полотном и подрисованы будто их не тронула война, как в сказке! Это вдохнуло в меня бодрость…» [44, с. 61]. Впрочем, разрушения скрывали не всюду, а лишь в центре города.

Сведения о маскировке зданий и разрушениях в блокированном городе были тайной. Запрещено было работать на улицах города живописцам, хотя они сами и правление Ленинградского союза советских художников обращались к властям с ходатайствами о разрешении делать зарисовки Ленинграда, сетовали на сохранявшийся запрет [21, с. 371; 7, с. 516]. За соблюдением запрета следили милиция, патрули и сами ленинградцы. Предосторожность была вполне оправдана. Многие здания и объекты были замаскированы, нельзя было облегчать противнику сбор информации о расположении кораблей на Неве, артиллерийских и зенитных батарей, о попадании его бомб и снарядов в цели и причиненных ими разрушениях и т.п. [7, с. 604].

Создание фанерных фасадов имело не только морально-психологическое значение, но становилось подготовкой к возрождению города. «На фанере в натуральную величину рисуют будущие фасады. Развалины одеты разрисованными фанерными щитами, и дома стоят макетами своего будущего, доставляя авторам редчайшую возможность проверить в натуре достоинства и недостатки проекта» [45, с. 306]. Между тем, около двух третей всех зданий-памятников Ленинграда получили за годы осады разные повреждения [7, с. 20].

В течение долгого времени, пока город оставался в осаде, подвергался бомбардировкам и обстрелам, сохранялась светомаскировка. Так было, когда в ноябре 1942 г., октябре и ноябре 1943 г. электрический свет включался во многих жилых домах, предприятиях бытового обслуживания, подъездах и т.д. [46, с. 277; 47, с. 207, 217]. Светомаскировка должна была неукоснительно соблюдаться и после снятия осады [48, с. 5; 49, с. 323]. Наконец, за неделю до окончания войны она была полностью отменена. «1 410 дней и ночей сотни тысяч ленинградских окон скрывались по вечерам во тьме... Снова свет! Вновь заблестела Адмиралтейская игла» [20, с. 1060].

Защитная маскировка оказалась эффективной оборонительной мерой. Иллюзии, созданные ленинградскими архитекторами и художниками, всеми участниками маскировочных работ успешно вводили врага в заблуждение. Многие ленинградцы продолжали видеть великолепие своего замаскированного, сумрачного города, которое вдохновляло, продолжали жить и работать в полуразрушенных и замаскированных зданиях в ожидании снятия блокады, победы и возрождения.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект 20-09-00170) «Визуальное и звуковое пространство войны: блокадный Ленинград и его восприятие горожанами».

1. Карасев А.В. Ленинградцы в годы блокады (1941—1943 гг.). М., 1959. 315 с.
2. Молчанов А.В. Мы из блокады. Стихи. Воспоминания. СПб., 2005. 224 с.
3. Завадский В.А. Блокада, война и мир (критический анализ некоторых мифов и вымыслов). СПб., 2015. 203 с.
4. Григорьев В. Звенящее биение метронома // Войной украденное детство (спешим сказать — пока мы живы). Сб. восп. СПб., 2011. С. 133-166.
5. Мартемьянов А.И. Блокада началась // Юровский Е.М. Мы выжили в блокаду! СПб., 2004. С. 88-98.
6. Герман М.Ю. Сложное прошедшее. СПб., 2000. 741 с.
7. Ленинград в осаде. Сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941—1944. СПб., 1995. 640 с.
8. Петерсон В.А. «Скорей бы было тепло!» Воспоминания о первой блокадной зиме // Нева. 2001. № 1. С. 166-212.
9. Николаева А.М. Воспоминания блокадного детства // Чтобы помнили: Воспоминания ветеранов Академии о войне и о себе. СПб., 2005. С. 215-220.
10. Грюнберг-Солдатова Л.И. Пунктир моей жизни. М., 2009. 296 с.
11. Смирнов Л.М. Тайна Соляного городка // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. Книга 3. СПб., 2016. С. 325-351.
12. Зимницкая Г.К. Блокадные будни (Дневник ленинградской девочки) // Блокада глазами очевидцев. Дневники и воспоминания. СПб., 2012. С. 22-113.
13. Светлосанова И.А. «Была одна сплошная ночь!» // Блокада Ленинграда. Народная книга памяти. М., 2014. С. 621-631.
14. Иванов В.А. Особенности реализации чрезвычайных мер по поддержанию в блокированном Ленинграде режима военного времени // Государство. Право. Война: 60-летие Великой Победы. СПб., 2005. С. 443-481.
15. Горышина Т.К. Воспоминания о блокаде и Дороге жизни // История Петербурга. 2007. № 1. С. 71-76.
16. «...Сохрани мою печальную историю...»: Блокадный дневник Лены Мухиной. СПб., 2011. 368 с.
17. Шервуд Л.Я. Как мы с мамой спасали отчий дом // Блокада Ленинграда. Народная книга памяти. М., 2014. С. 755-801.
18. Бобров М.М. Записки блокадного альпиниста. СПб., 2011. 136 с.
19. Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941—1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Часть I. Июнь 1941 г. — март 1942 г. СПб., 2019. 863 с.
20. Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941—1945. СПб., 2009. 1218 с.
21. Шапорина Л. В. Дневник. Т. 1. М., 2011. 592 с.
22. Симонов Ю.А. Блокадные заметки // Люди и время: воспоминания жителей Фрунзенского района о блокаде: альманах. СПб., 2014. С. 191-246.
23. Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941—1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Часть II. Март — декабрь 1942 г. СПб., 2020. 1261 с.
24. Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 — май 1942. СПб., 2013. 696 с.
25. Геев Я.М. Воспоминания // Подвиг века. Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. Воспоминания, дневники, письма, очерки, литературные записи. Л., 1969. С. 296-297.
26. Вакс И.А. Воспоминания // Подвиг века. Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. Воспоминания, дневники, письма, очерки, литературные записи. Л., 1969. С. 297-298.
27. Лобанов П.К. Меня называли маршалом сада! // Блокада Ленинграда. Народная книга памяти. М., 2014. С. 395-408.
28. Памятники в броне. Из воспоминаний скульптора Игоря Всеволодовича Крестовского // Подвиг века. Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. Воспоминания, дневники, письма, очерки, литературные записи. Л., 1969. С. 289-290.
29. Ястребенецкий Г.Д. Нас осталось мало. СПб., 2011. 152 с.
30. Траугот А. Квартира № 6 // Ничто не забыто: 320 страниц о 900 днях блокады Ленинграда. СПб., 2005. С. 108-117.
31. Супрун Н. Золотые купола стали зелеными // Мы из блокады. Сб. воспоминаний. Киров, 2003. С. 313-328.
32. Дубельштейн И.И. Письма // Михайлова О. Жили… Были... // Нева. 2005. № 5. С. 160-174.
33. Любимова А.В. «О войне, о блокаде» // «Верили в Победу свято»: Материалы о Великой Отечественной войне в собраниях Пушкинского Дома. СПб., 2015. С. 183-210.
34. Зальцман П.Я. Осколки разбитого вдребезги: Дневники и воспоминания 1925—1955. М., 2017. 448 с.
35. Серебровская К.Б. Я неохотно вспоминаю о войне… // Из истории Кунсткамеры (1941—1945). СПб., 2003. С. 256-259.
36. Франгопуло М.Х. Театр оперы и балета имени С.М. Кирова в дни Великой Отечественной войны // «Верили в Победу свято»: Материалы о Великой Отечественной войне в собраниях Пушкинского Дома. СПб., 2015. С. 211-232.

37. Котова О.И. Завод имени А.А. Жданова (Северная верфь) в годы Отечественной войны // История Петербурга 2007. № 1. С. 65-71.
38. Афанасьев Д. Самый страшный год блокады. Дневник // Сталева Т.В. «Блокадных детей просветлённые лица» Художественно-документальные очерки. М.-Торопец, 2010. С. 8-50.
39. Мархасев Л.С. След в эфире. СПб., 2004. 363 с.
40. Лебедев Г. Из дневника // Художники города-фронта. Воспоминания и дневники ленинградских художников Л., 1973. С. 345-361.
41. Молчанов А. «Я не был на фронте, но знаю» // Сталева Т.В. «Блокадных детей просветлённые лица» Художественно-документальные очерки. М.-Торопец, 2010. С. 168-181.
42. Фомин Н.И. Мой Ленинград // Откуда берется мужество. Воспоминания петрозаводчан, переживших блокаду и защищавших Ленинград. Петрозаводск, 2005. С. 23-31.
43. Милова И.Ю. Моя блокада // История Петербурга. 2009. № 2. 59-68.
44. Морозов М.В. Из блокадного дневника // Подвиг века. Художники, скульпторы, архитекторы, искусствоведы в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда. Воспоминания, дневники, письма, очерки, литературные записи. Л., 1969. С. 302-319.
45. 900 героических дней. Сб. документов и материалов о героической борьбе трудящихся Ленинграда в 1941—1944 гг. М.; Л., 1966. 424 с.
46. Блокадный дневник Горшкова Н.П. // Блокадные дневники и документы. СПб., 2004. С. 14-234.
47. Бюллетень Исполнительного комитета Ленгорсовета депутатов трудящихся. 1944. № 2.
48. От войны к миру: Ленинград. 1944—1945. Сб. документов. СПб., 2013. 351 с.
49. Князев Г.А. Дни великих испытаний. Дневники 1941—1945. СПб.: Наука, 2009. 1060 с.

References

1. Karasev A.V. Leningradcy v gody blokady (1941—1943 gg.) [Residents of Leningrad during the siege (1941—1943)]. Moscow, 1959. 315 p.
2. Molchanov A.V. My iz blokady. Stihi. Vospominaniya [We are from the siege. Poems. Memories]. St. Petersburg, 2005. 224 p.
3. Zavadskiy V.A. Blokada, voyna i mir (kriticheskiy analiz nekotoryh mifov i vymyslov) [Blockade, war and peace (critical analysis of some myths and fictions)] St. Petersburg, 2015. 203 p.
4. Grigor'ev V. Zvenyashchee bienie metronoma [Ticking sound like a metronome]. Voynoy ukradennoe detstvo (speshim skazat' — poka my zhivy). St. Petersburg, 2011, pp. 133-166.
5. Martem'yanov A.I. Blokada nachalas' [The siege has begun]. In: Yurovskiy E.M. My vyzhili v blokadu! St. Petersburg, 2004, pp. 88-98.
6. German M.Yu. Slozhnoe proshedshee [Difficult past]. St. Petersburg, 2000. 741 p.
7. Leningrad v osade. Sbornik dokumentov o geroicheskoj oborone Leningrada v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941—1944 [Leningrad under siege. Collection of documents on the heroic defense of Leningrad during the Great Patriotic War 1941—1944]. St. Petersburg, 1995. 640 p.
8. Peterson V.A. “Skorey by bylo teplo!” Vospominaniya o pervoy blokadnoy zime [“If only it was warm!” Memories of the first siege winter]. Neva, 2001, no. 1, pp. 166-212.
9. Nikolaeva A.M. Vospominaniya blokadnogo detstva [Memories of a siege childhood]. Chtoby pomnili: Vospominaniya veteranov Akademii o voyne i o sebe. St. Petersburg, 2005, pp. 215-220.
10. Gryunberg-Soldatova L.I. Punktir moej zhizni [The dotted line of my life]. Moscow, 2009. 296 p.
11. Smirnov L.M. Tayna Solyanogo gorodka [The Secret of the Salt Town]. Blokada glazami ochevidcev. Dnevniki i vospominaniya. Kniga 3. St. Petersburg, 2016, pp. 325-351.
12. Zimnickaya G.K. Blokadnye budni (Dnevnik leningradskoj devochki) [Siege weekdays (Diary of a Leningrad girl)]. Blokada glazami ochevidcev. Dnevniki i vospominaniya. St. Petersburg, 2012, pp. 22-113.
13. Svetlosanova I.A. “Byla odna sploshnaya noch'!”» [“It was a single dark night!”]. Blokada Leningrada. Narodnaya kniga pamyati. Moscow, 2014, pp. 621-631.
14. Ivanov V.A. Osobennosti realizacii chrezvychajnyh mer po podderzhaniyu v blokirovannom Leningrade rezhima voennogo vremeni [Features of the implementation of emergency measures to maintain the wartime regime in blockaded Leningrad]. Gosudarstvo. Pravo. Voyna: 60-letie Velikoy Pobedy. St. Petersburg, 2005, pp. 443-481.
15. Goryshina T.K. Vospominaniya o blokade i Doroge zhizni [Memories of the siege and the Road of Life]. Istoriya Peterburga, 2007, no. 1, pp. 71-76.
16. “...Sohrani moyu pechal'nuyu istoriyu...”: Blokadnyy dnevnik Leny Muhinoy [“... Save my sad story ...”: Lena Mukhina’s blockade diary]. St. Petersburg, 2011. 368 p.
17. Shervud L.Ya. Kak my s mamoy spasali otchiy dom [How my mom and I saved our father's house]. Blokada Leningrada. Narodnaya kniga pamyati. Moscow, 2014, pp. 755-801.
18. Bobrov M.M. Zapiski blokadnogo al'pinista [Notes of a blockade climber]. St. Petersburg, 2011. 136 p.
19. Blokada v resheniyah rukovodyashchih partijnyh organov Leningrada. 1941—1944 gg. Sb. dokumentov. Postanovleniya byuro leningradskih gorkoma i obkoma VKP(b), stenogrammy zasedanij Chast' I. Iyun' 1941 g. — mart 1942 g. [The siege in the decisions of the leading party bodies of Leningrad. 1941—1944. Resolutions of the bureaus of the Leningrad city committee and the regional committee of the CPSU(b), transcripts of meetings. Part I. June 1941 — March 1942]. St. Petersburg, 2019. 863 p.
20. Knyazev G.A. Dni velikih ispytaniy. Dnevniki 1941—1945 [Days of great trials. Diaries 1941—1945]. St. Petersburg, 2009. 1218 p.
21. Shaporina L.V. Dnevnik [A Diary], vol. 1. Moscow, 2011. 592 p.
22. Simonov Yu.A. Blokadnye zametki [Siege notes]. Lyudi i vremya: vospominaniya zhiteley Frunzenskogo rayona o blokade: al'manah. St. Petersburg, 2014, pp. 191-246.
23. Blokada v resheniyah rukovodyashchih partijnyh organov Leningrada. 1941—1944 gg. Sb. dokumentov. Postanovleniya byuro leningradskih gorkoma i obkoma VKP(b), stenogrammy zasedanij. Chast' II. Mart — dekabr' 1942 g. [The siege in the decisions of the leading party bodies of Leningrad. 1941—1944. Resolutions of the bureau of the Leningrad city committee and the regional committee of the CPSU(b), transcripts of meetings. Part II. March — December 1942]. St. Petersburg, 2020. 1261 p.
24. Sobolev G.L. Leningrad v bor'be za vyzhivanie v blokade. Kniga pervaya: iyun' 1941 — may 1942 [Leningrad in the struggle for survival in the siege. Book One: June 1941 — May 1942]. St. Petersburg, 2013. 696 p.
25. Geev Ya.M. Vospominaniya [Memories]. Podvig veka. Hudozhniki, skul'ptory, arhitektory, iskusstvovedy v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i blokady Leningrada. Vospominaniya, dnevniki, pis'ma, ocherki, literaturnye zapisi. Leningrad, 1969, pp. 296-297.
26. Vaks I.A. Vospominaniya [Memories]. Podvig veka. … Leningrad, 1969, pp. 297-298.
27. Lobanov P.K. Menya nazyvali marshalom sada! [They called me the garden marshal!]. Blokada Leningrada. Narodnaya kniga pamyati. Moscow, 2014, pp. 395-408.
28. Pamyatniki v brone. Iz vospominanij skul'ptora Igorya Vsevolodovicha Krestovskogo [Monuments in armor. From the memoirs of the sculptor Igor Vsevolodovich Krestovsky]. Podvig veka… pp. 289-290.
29. Yastrebeneckiy G.D. Nas ostalos' malo [Only few of us has left]. St. Petersburg, 2011. 152 p.

30. Traugot A. Kvartira № 6 [Flat no. 6]. Nichto ne zabyto: 320 stranic o 900 dnyah blokady Leningrada. St. Petersburg, 2005, pp 108-117.
31. Suprun N. Zolotye kupola stali zelenymi [The golden domes turned green]. My iz blokady. Sb. vospominaniy. Kirov, 2003, pp. 313-328.
32. Dubel'shteyn I.I. Pis'ma [Letters]. Mihaylova O. Zhili… Byli... Neva, 2005, no. 5, pp. 160-174.
33. Lyubimova A.V. "O voyne, o blockade" ["About the War, about the Siege"]. "Verili v Pobedu svyato": Materialy o Velikoy Otechestvennoy voyne v sobraniyah Pushkinskogo Doma. St. Petersburg, 2015, pp. 183-210.
34. Zal'cman P.Ya. Oskolki razbitogo vdrebezgi: Dnevniki i vospominaniya 1925—1955 [Pieces of the Broken Shattered: Diaries and Memories 1925—1955]. Moscow, 2017. 448 p.
35. Serebrovskaya K.B. Ya neohotno vspominayu o voyne… [I am reluctant to recall the war...]. Iz istorii Kunstkamery (1941—1945). St. Petersburg, 2003, pp. 256-259.
36. Frangopulo M.X. Teatr opery i baleta imeni S.M.Kirova v dni Velikoy Otechestvennoy voyny [S.M.Kirov Opera and Ballet Theater during the Great Patriotic War]. "Verili v Pobedu svyato"… St. Petersburg, 2015, pp. 211-232.
37. Kotova O.I. Zavod imeni A.A.Zhdanova (Severnaya verf') v gody Otechestvennoj vojny [A.A.Zhdanov Plant (Severnaya Verf) during the Patriotic War]. Istoriya Peterburga, 2007, no. 1, pp. 65-71.
38. Afanas'ev D. Samyy strashnyy god blokady. Dnevnik [The most terrible year of the siege]. In: Staleva T.V. "Blokadnyh detey prosvetlyonnye lica" Hudozhestvenno-dokumental'nye ocherki. Moscow—Toropets, 2010, pp. 8-50.
39. Marhasev L.S. Sled v efire [A trace on the air]. St. Petersburg, 2004. 263 p.
40. Lebedev G. Iz dnevnika [From the diary]. Hudozhniki goroda-fronta. Vospominaniya i dnevniki leningradskih hudozhnikov Leningrad, 1973, pp. 345-361.
41. Molchanov A. "Ya ne byl na fronte, no znayu" ["I have not been to the front, but I know"]. In: Staleva T.V. "Blokadnyh detey prosvetlyonnye lica" Hudozhestvenno-dokumental'nye ocherki. Moscow—Toropec, 2010, pp. 168-181.
42. Fomin N.I. Moy Leningrad [My Leningrad]. Otkuda beretsya muzhestvo. Vospominaniya petrozavodchan, perezhivshih blokadu i zashchishchavshih Leningrad. Petrozavodsk, 2005, pp. 23-31.
43. Milova I.Yu. Moya blokada [My siege]. Istoriya Peterburga, 2009, no. 2, pp. 59-68.
44. Morozov M.V. Iz blokadnogo dnevnika [From a siege diary]. Podvig veka… Leningrad, 1969, pp. 302-319.
45. 900 geroicheskih dney. Sb. dokumentov i materialov o geroicheskoj bor'be trudyashchihsya Leningrada v 1941—1944 gg. [900 heroic days. Documents and materials on the heroic struggle of the workers of Leningrad in 1941—1944.]. Moscow—Leningrad, 1966. 424 p.
46. Blokadnyy dnevnik Gorshkova N.P. [Siege diary of N.P.Gorshkov]. Blokadnye dnevniki i dokumenty. St. Petersburg, 2004, pp. 14-234.
47. Byulleten' Ispolnitel'nogo komiteta Lengorsoveta deputatov trudyashchihsya, 1944, no. 2. [Bulletin of the Executive Committee of the Leningrad City Council of Working People's Deputies, 1944, no. 2].
48. Ot voyny k miru: Leningrad. 1944—1945. Sb. Dokumentov [From War to Peace: Leningrad. 1944—1945. Collection of documents]. St. Petersburg, 2013. 351 p.
49. Knyazev G.A. Dni velikih ispytanij. Dnevniki 1941—1945. [Days of great trials. Diaries 1941—1945]. St. Petersburg, 2009. 1060 p.

Piankevich V.L. "Architecture upside down", or hammocks over the Smolny. Masking of Leningrad on the eve of and during the siege. The article examines the problem of disguising Leningrad on the eve and during the siege. The camouflage of military objects, buildings and structures, the shelter of monuments, the camouflage of spires, domes, destroyed residential buildings disorientated the enemy, as well as significantly influenced the perception of the city by the siege, their moral and psychological state. The article is based on official documents and personal testimonies of the blockade survivors.

Keywords: The Great Patriotic War, the siege of Leningrad, urban space, fires, perception.

Сведения об авторе. Владимир Леонидович Пянкевич — доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета; ORCID: 0000-0001-8977-099X; v-pyankevich@yandex.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 01.10.2020. Принята к публикации 01.11.2020.